

У него существовало трогательное убеждение, что «за последние годы» целомудренных юношей становится все больше и больше. Он даже льстил себя надеждой, — втайне, а иной раз и проговариваясь, — что тут не обходится и без его влияния, в частности — без влияния высоко ценившейся им самим, как орудие проповеди, «Крейцеровой сонаты». Своими вопросами к посещавшим его молодым людям Толстой как бы стремился проверить самого себя: и правильность своего взгляда на необходимость целомудрия, и степень распространенности и влияния этой идеи.

Все это было весьма трогательно, но в своих христианско-аскетических настроениях Лев Николаевич, как мне кажется, иногда заходил слишком далеко. Так, я знаю, что одному юноше, признавшемуся, что хотя он не знает женщин, но половая жизнь его — нечистая, Лев Николаевич ответил в том смысле, что тайный порок «все-таки лучше сношений с женщинами».

Это была, повидимому, ошибка: ошибка философа и ошибка педагога, особенно удивительная в такой исключительно духовно-здоровой натуре, какою был Толстой. Ведь даже «бунт против природы» не может допускать извращения этой природы.

Софья Андреевна уверяла меня, что Лев Николаевич не любил ее настоящей любовью. Что он любил ее только чувственной любовью. И что, вообще, он не знал настоящей любви, почему ее и отрицал...

Все художественное творчество Толстого, целый ряд живых и трогательных типов его творений протестуют против такого утверждения. И, однако,